

Галина Рудакова

Когда цветёт светлынь-трава

СТИХИ

Галина Рудакова

**Когда цветёт
светлынь-трава. Стихи**

«Издательские решения»

Рудакова Г.

Когда цветёт светлынь-трава. Стихи / Г. Рудакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746760-9

«Когда цветёт светлынь-трава» — пятый поэтический сборник Галины Рудаковой. В книге — стихи, написанные в разные периоды жизни. Сборник предназначен для всех любителей жизни и поэзии.

ISBN 978-5-44-746760-9

© Рудакова Г.
© Издательские решения

Содержание

Слово как память. Юрий Линник	7
Север	13
Берёза	14
Мы жили в деревне	15
Стихи о заречной деревне	16
В осеннюю распутицу	17
Дорога за реку	18
«Зимнее поле... сухие былинки...»	19
«Жизнь бывала порою скупа на удачу...»	20
Когда цветёт светлынь-трава	21
Берёза у колодца	22
Уезжаю	23
О родине печаль неуголима	24
Здесь тоже Русь	25
Васильковый ветер полей	26
Колоколенка	27
«Всё единственным именем названо...»	29
На Буеве	30
Дикая яблоня	31
Остановись, послушай сказку леса	32
«Последний дом в ряду домов пустых...»	33
Приплыву к тебе в лодочке синей	34
Загляну в озёрные глаза	35
Горше полыни	36
Рыбак	37
«Дрёма лесная, еловая глухомань...»	38
«Не устанешь – и отдых не в радость...»	39
Осенняя песня	40
Полушалок	41
«Алые зори. Большая вода...»	43
Дедов путик (рассказ охотника)	44
Из истории с. Тóпса. Встреча с Петром I	46
Рочегда	48
Поездка в Шеломя	49
Чёрный Яр	50
«Мама достанет из русской печи каравашек...»	51
О хлебе	52
«Воронки – открытые раны...»	53
О старом мельнике	54
«Эта тяжесть годов за плечами, ...»	55
Судьба высокая, как сосны	56
«Ночью не спишь, всё думаешь: «Боже мой...»	58
«Как будто открылся таинственный шлюз...»	59
Исторический тракт	60
На распутье	61
Домой	62

«Всё ближе подступает лес к деревне...»	63
«Нет, не осень тому виною...»	64
Возвращение	65
«Студенó, и грустишь без причины...»	66
У колодца	67
Речка Ундыш	68
Черёмушка	69
Шули́кины	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Когда цветёт светлынь-трава

Стихи

Галина Рудакова

Художник-иллюстратор Вячеслав Николаевич Палачёв

© Галина Рудакова, 2018

ISBN 978-5-4474-6760-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово как память. Юрий Линник

Поэзия Галины Рудаковой – явление.
Устами скромного ветеринарного врача из д. Ичково заговорил Русский Север.
Заговорил внятно и полновесно.
Обаял своей родниковой чистой, образной, звучной речью.
Это похоже на чудо с Лазарем: думали, что мёртв – а он явил все признаки жизни.
Так и Русский Север. Ужели поднимется?
Память народа отмирала слоями.
Вначале забылись былины. Потом сказки.
За быличками – изредка их ещё можно услышать – вроде как должна последовать очередь слова.
Просто слова!
Самобытной лексики – народного словаря.
Но именно здесь энтропия встретила решительный отпор!
Тому свидетельство – стихи Галины Рудаковой.
Поморьска говоря – их языковая субстанция.
Древняя, исконная, доподлинная поморьска говоря!
Слова тут вплотную приближаются к архетипам – выражают готовность прорасти мифами.

*Пойдут шутить шулкины, пойдут шукать они,
Какой бы номер выкинуть на святочные дни.*

*Ах, милые проказники, шугнуть бы вас пора,
И несмотря на праздники, прогнать бы со двора!*

*А ты, как в святки принято, напялишь балахон,
Пойдёшь «гонять шулихинов», и сам ты – шулихон.*

Это насельники зимних прорубей.
Это – реликт двоеверия: языческое на Русском Севере не вытеснено христианским – имело место их своеобразное переплетение.
Или контрапункт – если хотите. Или интерференция.
Здесь находится важнейший ключ к пониманию Русского Севера во всей его неповторимости и уникальности.
Пласт лёг на пласт.
Потом началось перепластование.
Там образовалось богатое узорочье северной духовности – поэзия Галины Рудаковой проявляет его.
Так сложилась особая языковая почва – структурная, плодородная: поэтесса в полной мере использует её ресурсы.
В конце книги – словарик поморьской говори: приложение замечательное, самоценное.
Будто керетский жемчуг перебираешь!
Где ещё найдёшь такой переливчатый?
Диалектные слова у иных поэтов – нарочитые вкрапления: работают на стилизацию.
Тогда как у Галины Рудаковой они входят в ткань стиха с предельной естественностью.
Ведь это её родная речь.

*...тогда, с собою взяв охапку веток,
пойдём дорогу за реку вешить.*

Вешить – значит, ставить вехи.
Обнаруживая голографические свойства, редкостный глагол воссоздаёт зимний пейзаж
Подвижня – бесконечную ширь, ледостав, первопуток.
Горючей печали в этой книге всклень.
Но нет безнадежности!
Нет чувства безысходности.
Многие страницы звучат здесь как некролог.
Точнее – как заплачка: причитание на похоронах.
С распятия мы сняли наш Русский Север – нашу деревню. Чаять ли воскресения?

*Здесь родители наши гуляли с тальянкой да ливенкой,
А теперь вот жилой ни одной не отыщешь избы.*

Тальянка – она итальянка.
А ливенка – от русского города Ливны. Северяне особо любили эту гармошку. Число
борин-складок у неё доходило аж до 40 – играя с огоньком, наярявая, гармонист буквально
опоясывал себя мехами. До чего же картинно!

*Не остаться б на карте пунктиром...
Здесь вот речка... когда-то была...*

Сказано точно, пронзительно. И очень образно!
Пунктир: это что-то уже разорванное – но ещё не запропавшее вовсе. Ещё как-то при-
сутствующее в мире.
Изба исчезла.
Но крапива и чернобыльник намечают её периметр.
Это тоже своего рода пунктирная прорись. Как бы эфемерная канва прошлого. Хоть это
осталось!
В книге много таких проступаний – проявлений – сквозений.

*Зачем когда-то бились наши деды —
Лес корчевали, избы становили
Да засевали хлебом чищевины...*

Удастся ли оплотнить зыбкие силуэты Юромы и Чекуево, Верховья и Чёлмохты? Почему-
то при чтении книги Галины Рудаковой я всё время мысленно видел эти великие архитектур-
ные ансамбли Русского Севера. Верю, что тут есть некий унисон – тайное созвучье – неиспо-
ведимый резонанс.

Одна аура – один дух.
Общие корни – у всех форм северной красоты.
До них-то пагуба достать не может – верит поэтесса в новую поросль.

*Север. Глушь староверских скитов.
Не свобода – так самосожженье.
Здесь и речки уходят под землю,*

Чтоб укрыться от зимних оков.

Стихи внушают: есть неведомые нам законы сохранения – погибшее восстанет из праха.
Вот строка Галины Рудаковой:

Есть у него, конечно, заветный схран.

По ассоциации вспомнился Мартин Хайдеггер: «Смерть как ковчег Ничто есть хран бытия».

В обоих случаях речь идёт про оборотную – потаённую – светлую сторону смерти.

Про то, что Крестное Древо может обернуться Древом Жизни – чудесно процвести и заблагоухать.

Северное – схран.

И неологизм В. В. Бибихина хран, блистательно придуманный им для того, чтобы точнее передать мысль философа.

Разные сферы. И контексты очень разные.

Но сколь значительна эта языковая переключка!

Слово и есть хран – схран – хранитель памяти, этого первичного условия бытия.

Поэзия Галины Рудаковой укрепляет веру в жиздительную, воскрешающую, теургическую силу слова.

Не сразу обрушился Русский Север.

Как мы ни клеймим колхозы, а они – в условиях приличного удаления от центра – всё же какое-то время удерживали инерцию общинного согласия, не подминали окончательно привычный уклад, не выдавливали из человека человеческое.

Проза Василия Белова и Фёдора Абрамова свидетельствует об этом.

Как и поэзия Николая Рубцова.

Не его ли муза перешла к Галине Рудаковой?

Поэтесса тепло вспоминает своё советское детство:

*Мы там сенокосили вместе со взрослыми;
И в школу ходили тропинками росными
Вдоль озера синего, озера длинного...*

Где эти сенокосы? Где эти школы?

Потом за парты сели дети бывших школьников.

Порой на учёбу их приходилось возить далеко.

Создавались интернаты.

Во время распутицы связь детей и родителей могла прерываться надолго.

Но встанет лёд —

*И снова оживится жизнь в глуши.
Когда на выходной дождёмся деток.*

Сколь значимые детали!

Связь человека и природы на Русском Севере похожа на глубинный симбиоз.

Одно прорастает в другое.

Отсюда антропоморфизм северного фольклора.

Это его свойство унаследовали стихи поэтессы:

*А травы... Травы нынче здесь по плечи...
Берёза смотрит взглядом человеческим...
Сучок отломан, ямка – словно око,
А в нём наш путь – от устья до истока!..
Зрачок заметен ясно, взгляд осмыслен...*

Вочеловечивание природы получает в игре этих образов своё максимальное выражение. Замечателен этот осмысленный взгляд!
Не уйти от него. Не спрятаться!
Сегодня в нём читается упрёк.
И глубокая обида. И острая боль.
Можно и должно говорить о народном пантеизме – мироощущение Галины Рудаковой пронизано им.

Реки и речки на лике Русского Севера – как характерные черты, чёрточки.
Стихи поэтессы на эту тему соединились у меня в отдельный цикл.
Что я ощутил при их чтении?
Река – и душа: они теперь нераздельны.
Они как сообщающиеся сосуды!
Мелеет родная река – и мы духовно скудеем.
Нагрянуло половодье – и радость бытия достигает пика.

*Загляну в озёрные глаза,
Расцелуюсь с речкой Брусеницей.*

Приложиться к воде – как поцеловать её: это народное, настоящее.

*Я пребуду с тобой, и река не застынет...
Ведь оно навсегда поселилось во мне —
Время талой воды, время светлой светлыни —
Отражённое солнце в речной глубине.*

Или ещё:

*Я в эту речку, как в любовь,
Вошла, недолго думая.*

В 1916 г. Николаев Клюев пишет цикл «Земля и железо».
Означена трагическая антитеза!
Вскоре отшатнётся – и рухнет ниц – ранимый Сергей Есенин, оторопело увидев, как на его жеребят несётся «стальная конница».
Заброшенные МТС – апокалиптическое зрелище: ужасают эти кладбища металла.
Тема, ставшая нервом нашей крестьянской поэзии, нашла своё преломление и у Галины Рудаковой.

Старушки собирают клюкву на ближнем болоте.
И вот появляется ушлый горожанин:

Щёлкали зубья железной грабилки...

Без ягод остались местные жительницы.

Малый конфликт?

Нет, великая коллизия, здесь явившая себя через частность.

Гигантская грабилка прошлась по Русскому Северу – искорёжила и опустошила его.

Поморье – Синегорье – Пятиречье: это кодовые понятия нашей культуры.

Ореол бессмертной поэзии стоит над ними.

Здесь – на высоких широтах – осели многие мотивы и символы Ойкумены.

Здесь и природа, и история потворствуют мифогенезу.

Выглянет солнце – смешной желтоклювый птенец.

Как скорлупу, расклевав изнутри облака.

Космическая метафора!

Она в духе молодого Владимира Маяковского – сомасштабна ему.

Угадываете в ней один из ключевых архетипов человечества? Представление о мировом яйце независимо возникло у многих этносов.

Некоторые стихи Галины Рудаковой я смело отнёс бы к вершинам женской любовной лирики.

Эта тема требует предельной – экстремальной, на разрыв – искренности.

Это исповедальное!

Когда ничего нельзя утаивать.

Перед любимым – как перед Богом.

Порой оба суровы. Если не сказать – безжалостны.

Я, может, у дверей твоих умру...

Эмоциональное напряжение тут зашкаливает.

Захватывает свежий и сильный ритмический рисунок в этих стихах:

Я в лабиринтах лживых слов не заблудилась,

Душа, как беленький платок, не зарудилась.

Пусть о тебе я у ветров не доспросилась,

Но, как платок, моя любовь не обносилась.

Великолепно!

Очень меня волнует сегодняшняя жизнь Русского Севера.

Переписываться с Галиной Николаевной – как держать руку на пульсе Подвинья.

Не просто там.

Когда бы не малолюдьё – быть бы мятежу.

Многие годы Галина Рудакова обихаживала легендарных коров-холмогорок.

Племенное стадо загублено пришлым приватизатором.

А уезжая, он бросил на произвол судьбы табун лошадей.

Пришлось на морозе пробивать для них пролубли.

Сено-то где взять?

Жуткие фотографии прислала мне Галина Николаевна.

Как такое возможно?

Кто верховодит Россией?

Родные места поэтессы славятся жизнерадостной борецкой росписью.

*Из Борка да в Кургомень – на чужу сторонку...
Ах, закружит кругомень молодую жёнку!*

*Как на прялке веточки ягодами рдеют,
Пусть родятся деточки, чувства не скудеют!*

*Семеро по лавицам – пестовать да растить.
На дарёной прялице – борецкая роспись!*

Бьюсь об заклад: самое яркое и бодрое в России – это палитра Борка. Взять бы оттуда побольше красок!

И записать ими всё серое, тусклое – переновить усталое Отечество.

Галина Рудакова уже начала делать это.

Свой отзыв мне хочется закончить на мажорной ноте.

Юрий ЛИННИК, поэт, учёный, филолог, философ

Север

Север. Русло холодной реки.
Здесь неволи душа не приемлет.
Здесь и чужь уходила под землю,
Оставляя свои городки

Там, где ты принимал в свой чертог
Новгородцев – ушкуйников ушлых.
Если кто и хранил твою душу,
То какой-то языческий бог.

Север. Глушь староверских скитов:
Не свобода – так самосожженье.
Здесь и речки уходят под землю,
Чтоб укрыться от зимних оков.

Здесь свобода от царских вериг,
Здесь и пристань отступникам Божьим —
Средь лесов, средь холмов бездорожных,
Что когда-то оставил ледник.

Ты куда нас, судьба, завела?
Кто владеет сегодняшним миром?
Не остаться б на карте пунктиром...
Здесь вот речка... когда-то была...

Север, звучен ветров твоих зык!
Ни к чему тебе самосожженье, —
Начинай же своё возрожденье
Да храни самобытный язык!

Берёза

Её вершина тонет в синеве,
Овеяна дыханием столетий,
И нити ниспадающих ветвей,
Как в звоннице, перебирает ветер.
И чудится: звонят колокола
Стоявшей здесь
в далёком прошлом церкви,
И видится: проходят, с верой в сердце,
Здесь жители огромного села...
И церковь, что погибла от огня,
И дерево с судьбою одинокой,
И озеро в печали синеокой
Сквозь дым столетий
смотрят на меня.

А где-то птицы первые летят,
Чтобы наполнить песнями гнездовья
И вывести птенцов в её ветвях.
И встретит,
и проводит их с любовью.
С её ветвей нисходит тишина.
Хранит берёза дней далёких память.
За нею школа старая видна,
И наше детство
видится сквозь паветвь.
И звёзды осыпаются над ней
И тянут вниз мерцающие нити.
Стоит берёза, прошлого хранитель,
Как символ малой родины моей.

Мы жили в деревне

Мы жили в деревне, у речки и озера.
Лета были жаркие, с частыми грозами,
С порой белоночья, с купаньями долгими...
Полями, лугами, по осени колкими,
Мы в школу ходили, а тёмными зимами
Читали под лампой простой, керосиновой.
И матери наши в совхозе трудились,
И платица нам покупали на вырост...

Там были коровами травы истоптаны
В лугах, что горбатились свежими копнами —
Мы там сенокосили вместе со взрослыми;
И в школу ходили тропинками росными
Вдоль озера синего, озера длинного,
Дарившего нас золотыми кувшинками...
Мы жили в деревне, счастливые дети,
Ведь нас не коснулось рукой лихолетье.

Мы жили в деревне и грустно, и радостно,
Ходили на танцы сосновою радюю,
Смешные девчонки, в платочках и с косами, —
До осени, нас разлучившей, до осени;
Мы строили планы, уверенны в будущем,
А после писали родителям любящим...
Домой возвращались пролётные гуси...
И письма летели, исполнены грусти...
Крепки нашей памяти тайные узы...
Мы жили когда-то в Советском Союзе.

Стихи о заречной деревне

Это не сон, это всё – наяву.
Время застыло в деревне заречной.
Лошадь у дома не звякнет уздечкой,
Стадо коров не истопчет траву.

И под молочной прохладой лугов
Больше костёр не зажётся пастуший.
Только всё громче: послушай, послушай —
Бьётся река у крутых берегов;

Катер качает, грозясь потопить,
Бьётся в протёртое днище парома...
Запахом дыма дышать – только б дома,
Дров заготовить да печи топить.

...Но уйду и не скоро вернусь.
Рыба – и та ищет место поглубже.
Родины голос становится глуше,
И затеряться в пустыне боюсь.

Так перелески бегут по лугам...
Но от себя убежать невозможно.
В пору безвременья и бездорожья
Кто-то останется у очага.

Кто-то поддержит горенье огня
В сердце своём и в оставленном доме,
Кто-то, возникнув в оконном проёме,
Будет стоять в ожиданье меня.

В осеннюю распутицу

...И так на сердце муторно, когда
несёт шугу осенняя вода
и нас пугает холодом зловещим,
когда на берег вытащен паром,
и лодка, что пустить пора на слом,
становится нужнее нужной вещи.

В деревне жизнь – она и так сложна:
хлебнёшь с попажей горюшка сполна,
когда у лодки обмерзает днище
и в заберегах скрыты берега;
а дома, как тепло ни сберегай,
его выносит мигом из жилища.

И это наша общая беда:
езде – чертополох да лебеда,
но крепко держит родина корнями,
и мы несём дрова и топим печь,
мечтая скинуть это бремя с плеч,
и просим Бога быть всё время с нами...

И так на сердце муторно, пока
не станет за ночь стылая река,
тогда, с собою взяв охапку веток,
пойдём дорогу за реку вешить,
и снова оживится жизнь в глуши,
когда на выходной дождёмся деток...

Дорога за реку

Вниз спустилась – и скрылись огни
Деревенских окошек приветных.
Под крылом ледящего ветра
Лишь они греют нас, лишь они.

А в душе намерзающий лёд
Не растопят и ливни косые:
Исчезают деревни в России,
Словно птицы, убитые влёт.

Жизнь темна, словно путь по реке
В полумраке, от вехи до вехи,
И, как видно, придётся уехать —
За надёжной «синицей в руке».

И пребудет в печали земля.
А уедешь – во сне будет сниться
Та, дрожащая в снежных полях,
Невесомых огней вереница.

Это к ней по непрочному льду
И в метели боясь заблудиться,
Я по тающим звёздам иду,
Что сверкают
на мокрых ресницах.

«Зимнее поле... сухие былинки...»

Зимнее поле... сухие былинки...
Месяца льдинка в небесном протает...
Словно бы кто-то окликнет:
– Галинка!...
Поле да ветер от края до края...

Словно в простом карандашном рисунке:
с бабушкой мы за столом своедельным,
мама в жакетке, с хозяйственной сумкой —
всё, что хранится в сосуде скудельным...

Может быть, это седьмая из вёсен:
бабушка стелет на снег полотенца...
Что там вода прибылая уносит:
старенький мячик?.. а может быть, детство?..

Мати посудой гремит спозаранку,
в вёдрах – с ледышкой вода прорубная,
дышит дымком закоптёлая банька, —
дочка приехала, дочи родная!

Ветер шуршит по кустам краснотала...
Всё, что осталось, – моё безраздельно!
Речка... колодец... и банька осталась...
Всё остальное – в сосуде скудельном.

Словно скрип снега на ветхом крылечке...
Ветер качает сухие былинки...
Нет ни крылечка, ни дома...
– Галинка!..
Снежные вихри несутся навстречу.

«Жизнь бывала порою скупа на удачу...»

Жизнь бывала порою скупа на удачу,
Бабкой-липкой спала на окошке чердачном.
Но взлетала весною, едва просыпалась...
Лишь пыльца на руках с её крыльев осталась.
Тот чердак и поветь, запах сена и хлева,
А в избе – каравай деревенского хлеба...

А в избе у тебя – тени прошлого зыбки,
В потолочине низкой – колечко для зыбки, —
В ней когда-то тебя с тихой песней качали,
А твой рост на дверном косяке отмечали;
И в коробке, конечно, хранили родные
Под газетой твои волосёнки льняные —
В раннем детстве отрезанной матерью прядки,
Да лежали в шкафу в синих кляксах тетрадки...

Ну а жизнь оказалась задачкою сложной,
И теперь ты стоишь
там, где столбик дорожный,
Где почти не заметно деревни название...
Здесь не важны твои достижения и званья,
Здесь давно бы тебе все ошибки простили...
Только смотрят окошки глазами пустыми.

...Но ведь счастье коснулось тебя, неизбежно —
И пыльца на руках с его крылышек нежных...

Когда цветёт светлынь-трава

Когда цветёт светлынь-трава,
шепчи любовные слова,
Зови искать цветок во мглу
лесных урочищ!
Пусть вспыхнет он в твоих руках,
как поцелуи – на устах,
и мы найдём заветный клад Купальской ночью.

Пускай не скроет ночь лица,
светлее свѣтла месяца, —
а ясный месяц в вышине висит подковой;
и там, где речки светизна́,
русалка выплывет со дна,
а в травах возле берегов свет светляковый.

Горят костры, и в полумгле
деревья бродят по земле, —
ты не найдёшь их поутру на прежнем месте;
на воды светлые реки
бросают девушки венки,
и видит каждая из них фату невесты.

Когда цветёт светлынь-трава,
шепчи безумные слова!
Ах, этот сказочный цветок скорей достать бы!
Скажи, ответь нам, светицвет,
где клад зарыт, открой секрет!
А сразу после Покрова сыграем свадьбу.

Берёза у колодца

О детстве сколько ни грусти,
Оно обратно не вернётся...
Лишь ты, берёзонька, лишь ты
Стоишь всё так же у колодца.

В твоих ветвях поют дожди,
С тобой таимничает ветер...
И снова лето впереди,
И что за счастье – жить на свете!

В твоих ветвях поют ветра
И перелётывают птицы,
А улетят – и мне пора
Настанет —
в путь поторопиться.

И, как раздвоенность ствола —
Дороги, сердца раздвоенье:
Здесь всё, родное до угла,
Речушки тихое струенье,

А там, вдали, есть дом другой,
Где жизнь прошла, родились дети...
Я помашу тебе рукой.
И ты мне веткою ответишь.

Уезжаю

*«Кто уехал – тот и останется»
Олег Чухонцев «Южной ночью»*

Я уезжаю, и я остаюсь —
Мысль быстролётна,
как ветер раздольный, —
Снова иду по дороге окольной,
Издали вижу деревню свою...

Я уезжаю. Светает едва.
Сёстры на пастбище гонят корову.
Что же надёжнее отчего крова?
Лишь ощущение любви и родства.

Кажется, вовсе и не далека, —
Вижу, как будто смотрю из окошка:
Сено прибрали, копают картошку,
Звонкую воду берут с родника.

Словно заречным угором крутым
Я прохожу у излбмистых сосен;
Словно бы сердце мне тронула осень
Листиком лёгоньким и золотым...

Я уезжаю. Бессильны слова.
Долго у медленной жду переправы.
Падает сердце в пониклые травы...
Падает в тёмные воды листва.

О родине печаль неутолима

О родине печаль неутолима...
Опять иду, волнением томима,
Искать слова – то в поле, то к реке,
За стаей птиц, что ветрами гонима,
И слово, словно посох пилигрима,
Сжимаю зачарованно в руке...

И слово, что ещё в душе таимо,
Вдруг вырвется на свет неутолимо,
Поднимется, как лилия со дна,
И видишь вдруг: усыпано цветами
Всё озеро души, чьё имя – память.
А в нём ещё такая глубина!..

А вот звездою слово замерцало —
И ожило озёрное зеркало,
И сотней бликов вдруг отозвалось.
И ближний берег с жёлтыми стогами,
И тихий свет ромашек над лугами —
Всё в это слово тихое сплелось.

Здесь тоже Русь

Здесь тоже Русь. Пусть глуше и скромней
пейзажи наших северных окраин.
Живу в глубинке – то есть в глубине
России, с детства русское вбирая.

Спешу, лечу за временем в сугонь
на родине своей, большой и малой,
что с детских лет затеплила огонь
в душе
и чувства в нём переплавляла!

Живи, мой Север, песнями звени, —
любимый край, я здесь не на постое,
и мне так важно это сохранить:
родной язык, обычаи, устои.

Как много солнца в говоре твоём,
как много самобытного, живого!
Стелю на снег весенний суровьём
родное, не отбеленное слово.

Васильковый ветер полей

Снишься матерью и отцом,
Золотым, с васильками, полем.
А в лесу, за дорог кольцом
Родника звенит колоколец.

Это родины вечный зов,
Дух полей и лугов медвяный,
Где любой цветок – бирюзов,
Где покой белой ночи мляный.

В травах, пахнущих чабрецом,
Заблужусь среди твоих раздолий.
Прозвени расписным словцом,
Долгой песней о русской доле!

Потускнеет речная синь,
Сгаснет озеро голубое,
Но останется, негасим,
Свет любви, что зажжён тобою!

И когда в суматохе дней
Прозвучит дорогое имя,
Васильковый ветер полей
Над землёю меня поднимет.

Колоколенка

По осенней поре
навещаю места эти дивные.
Отзвучало здесь детство,
как заигрыш жизни, судьбы.
Здесь родители наши
гуляли с тальянкой да с ливенкой,
А теперь вот жилой
ни одной не осталось избы.

Я стою и смотрю,
и ничто не нарушит безмолвие,
Только сердце стучит
да глухое волнение в груди,
А из прошлого вдруг
колоколенка выплывет звонная —
И сквозь дымку времён
развиднеется там, впереди...

На высоком угоре,
где дорого всё и любимо,
Красовалась она среди житных полей
до войны,
На неё любовались всегда
проходящие мимо,
И звучал благовест
над лесами, над руслом Двины...

Всё быльём поросло,
всюду травы здесь непроходимые.
Где тропинка, которой
о празднике шли на поклон?
Лишь крутые ветра
раздувают платки пестрядинные
Прихожанок-берёз,
что, смиренные, встали на склон.

Пролетят журавли,
оживёт с ними высь бирюзовая.
Кто помашет им вслед
на пустынных дорогах села?
Голосам журавлей,
сердца вечному, тайному зову ли? —
Как собратья, в ответ
вдруг откликнутся колокола.

«Всё единственным именем названо...»

Всё единственным именем названо.
Уходить от себя не спеши!
Ворожéя моя златоглазая —
осень таинство в сердце вершит.
И опять ты, ведомая в прошлое,
ищешь детства затерянный след...
А найдёшь русло речки заросшее,
старый мельничный жёрнов в траве,
под рябиной кресты – на погосте,
да в часовне мерцающий свет,
словно зыбкий, светящийся мостик
от живых – к тем, кого уже нет.
Вы одною деревней взлелеяны,
вот и дом твой – родительский – здесь.
Ветра лёгкое дуновение
долетит как ответная весть...
Не печаль это – боль неотвязная
наплывает, туманит лицо:
листья падают сердцеобразные
на родное крыльцо.

На Буеве

Буево – так называется холм. Его склоны отвесны.
Эхом доносится давних событий отвьестье.
Топса-река отражает развалины храма.
Время – текучими водами слева и справа.

Время пьянит, как вино, всё сильнее его крепость.
Только закрою глаза – вижу чудскую крепость.
Буево мрачно хранит её скрытую тайну.
Лобное место, продутое всеми ветрами.

Помнит оно новгородцев – поборщиков дани.
Чудь покорить непременно хотели славяне,
Силой оружия заставить принять православье.
Сыпались с Буева чудские стрелы и камни...

Я ли стою над простором, над вольною Топсой,
Над вековыми лесами с болотистой топью,
Там, где звенит тетивою речная излука,
Чувствую тяжесть копья и стреляю из лука?..

Чудь уступила однако славянам упорным.
Переплелись под землёй навсегда наши корни.
Может, вселились и в нас их отважные души.
Память осталась – в названиях сёл и речушек.

Даль необъятная. Ветер. Река обмелела...
Время – текучими водами справа и слева.

Дикая яблоня

Помню, что девочку звали Марусей.
Мальчика, кажется, звали Иваном...
Хлопали крыльями лебеди-гуси,
Те, что гнались за детьми неустанно.
Вот они, вытянув длинные шеи,
Громко шипят и хватают за пятки...
«Яблонька, яблонька, спрячь нас скорее!
Ветки густы твои, яблочки сладки!..»

...Дикие яблочки – меньше рябины —
Внучка домой приносила в кармане:
«Сколько на яблоне их уродилось!
Злющих гусей она тоже обманет!»
...И нарисует её, и раскрасит
В яблоках низко склонённые ветки,
А на вопрос: «Чем закончилась сказка?» —
«Знаю, конец был счастливый!» – ответит.

...Яблоня, как украшала ты вёсны
Благоуханием, буйным цветеньем!
Оборвалось всё внезапно и просто,
Странным таким человечьим хотеньем.
Пусто теперь в чистом поле и голо,
Свалены в кучу, все в яблочках, ветки...
Внучка явилась домой невесёлой...
С сердцем упавшим – и я, и соседки...

Сколько давала она вдохновенья,
Как озаряла моё захоlustье!
...Чёрный пенёк мочит дождик осенний,
Да надрываются дикие гуси.

Остановись, послушай сказку леса

Лесной тропой уходя с болота,
остановись, послушай сказку леса!
Вбирай мгновенья тающего лета
перед зимой, пока ещё неизвестной.

Пока исходит жаром жаровица
и осени костёр дымит лениво,
как чудно сбором ягод насладиться!
Не иссякала б клюквенная нива.

Неси домой тяжёлые корзины,
сдашь ягоды – накормишь домочадцев.
И ты бредёшь, устало сгорбив спину,
боясь на тропке с лешим повстречаться.

Поставь корзину, отдохни – как славно:
вот паучок на паутине тонкой
летит – куда? Над этим духом травным
летит, чудак, за осенью вдогонку.

Багульник пахнет остро, поневоле
вдыхаешь аромат его тягучий.
Вот переход по жёрдочкам за рúчей.
Наверх поднимешься – и выйдешь в поле.

И выйдешь в поле, где трава густая
и пух осота солнышком просвечен,
и мятлика соломка золотая —
всё светится... Пока ещё не вечер...

И тем осенним светом осиянно
всё поле... поле, ставшее поляной:
горит брусничник и осинок поросль —
поляна эта лесом станет скоро.

Ещё не вечер... Может быть, однажды
на этом месте снова будет пашня.
Пусть отдохнёт земля от человека.
Деревня, осень, лес, начало века.

.

«Последний дом в ряду домов пустых...»

Последний дом в ряду домов пустых...
Черёмушник разросся в угородах...
Но если к прошлому вернулся ты —
Лишь дёрни за верёвочку в воротах.

Войди туда, где мать ещё жива
И у окна сидит за рукодельем...
Но в сенцах ларь мучной и жернова
Напомнят: время – лучший в мире мельник.

И кажется, что целый век прошёл.
Зерно оставил ты, нашел – мякину.
И гирька от часов упёрлась в пол
В тот самый день, когда ты дом покинул.

На мучнике пылится ржавый серп,
Да ждёт в избе печаль – души привада,
Заставив в этих стенах вспомнить всех,
Кто там, в бору, за голубой оградой...

Приплыву к тебе в лодочке синей *Мезенской земле*

Гаснет лампа заката над пожней,
Белой ночью сменяется вечер.
До свидания, Лампожня! Сложно
Жить в разлуке, от встречи до встречи!
Мы увидимся, знаю, не скоро.
Это счастье и просто везенье:
Побродить по высоким угорам,
Искупаться в холодной Мезени.
Зачарованный песнею длинной,
Край глухой, заповедный, чудесный:
И река, что так выгнула спину,
И дома на угорах отвесных.
Здесь приветливость в людях – издревле.
У домов не обсохли колодцы,
И хвоя лиственничных деревьев,
О которую – не уколоться.
Я приду с головою повинной,
Словно с самой причиною веской,
И, наверное, ты отодвинешь
Кружевное шитьё занавески, —
И, во власти знакомых предчувствий,
На высокое выйдешь крылечко,
Чтоб моею проникнуться грустью,
И поверишь, что время не лечит.
Я пройду от Мезени до Сёмжи,
Приплыву к тебе в лодочке синей.
Всё о том я, родная, о том же:
Как люблю тебя нежно и сильно.

Загляну в озёрные глаза *Николаю Окулову*

За еловец, за болото, за
Вырубки, где вызрела брусница, —
Здесь грустят озёрные глаза
Да смеётся речка Брусеница.

Здесь в потоке быстрая форель
Встречь теченью движется к верховьям.
Наварю ушицы на костре,
Травяного чаю приготовлю.

Буду слушать птичий пересвист,
Силами с течением померюсь.
Ну а ты, форель моя, плыви,
К перекатам торопись на нерест!

...Северная родина моя,
Ты стоишь вот так же – встречь теченью,
И душой с тобою сросся я,
И любить – твоё предназначенье.

Окольцован северным селом,
Окающим говором певучим,
Озером твоим я взят в полон,
Речкой, словно девкой самолучшей.

Потому спешу к тебе я – за-
Тем, чтобы душою просветлиться.
Загляну в озёрные глаза,
Расцелуюсь с речкой Брусеницей.

Горше полыни

«А дом мой стоял на угоре,
На том, на крутом берегу...
Приедёшь ли, дефка, вдругоредь?»
...А что я ответить могу?

Кузнечик серебряно-тонко
Поёт, как ручей в полусне...
И снова, глазами ребёнка
Та встреча увидится мне,
Забродит в душе и нахлынет
Всё то, что забыть не могу:
И взгляд её, горше полыни,
И ветра осенний разгул...

«Что камень, на сердце обида:
Есть дети, да где они, где?
Отправили в дом инвалидов!..
Как встрече-то не обрадеть?»

И пряди пригладит седые...
«Ах, годы – что дым на ветру...
Живите, покуль молодые!..»

И слышится снова: «Помру,
Никто хоронить не приедет...
А ты передай-ко, бывать,
Хошь кто-то из бывших соседей
Заглянет меня повидать...»

А дом-от стоял на угоре,
Я карточку – вот, берегу...
Приедешь ли, дефка, вдругоредь?»

...А что я ответить могу?

Рыбак

Обрывист берег. Жухлая трава.
Сухие ёлки ёжатся, сутулясь.
По-щучьи лодки к берегу приткнулись
И так остались после Покрова.

В избушке доживает век рыбак,
Он ловит звёзды тальниковой сетью.
Он за водою ходит на рассвете,
И топит печь, и кормит двух собак.

Ещё не стало время, словно лёд,
Но видит он, склоняясь над рекою,
Как по теченью к вечному покою
Он на дырявой лодочке плывёт.

Над ним стоят опавшие года,
Ему уже не страшно и не больно,
Он видит, как уныло и спокойно
Над головой смыкается вода.

И где-то там, за кромкой дня и льда,
Где льдом ещё не тронуло фарватер,
Реки небесной алая руда
С водой сольётся и его подхватит.

«Дрёма лесная, еловая глухомань...»

Дрёма лесная, еловая глухомань,
в тёмный олёшник упряган души ручей.
Ветер весенний, ты прилетай, шамань,
как мне легко от бессвязных твоих речей!

Как ни красна чужбина, да горек хлеб.
Дымом разлуки выело мне глаза.
Берег такой ещё отыскать бы где,
чтобы сумел меня к себе привязать!

Этой весною я и сама – река,
чувствами переполнясь, выйду из берегов.
Хватит по свету счастье своё искать,
время настало вернуться под отчий кров,

в материн дом. Пусть холодно в нём пока,
но принесу для печки охапку дров,
воду – из речки, озера, родника,
запах сосновый светлых лесных боров,

смех серебристый маленьких ручейков,
говор неумолкаемый этой воды живой —
лепет детей, от которого так легко,
как от щемящего, сладкого слова «домой».

«Не устанешь – и отдых не в радость...»

Не устанешь – и отдых не в радость.
Пусть немного затянется путь.
Но с каким наслаждением прилягу
Я потом на траве отдохнуть.
Август месяц пылью запылён,
Да не кошены травы в лугах,
В повители мышиных горошков,
В завитках иван-чая в логах.
Из ромашек венки-плетеницу,
Да из диких гераней свяжу,
Ароматную мяту с душицей
В изголовье себе положу.
Скроет солнце небесная застёпка
И прохладой меня одарит,
Будут долго в озёрах плескаться
Золотые досветки зари...
Всю любовь,
всё, что в сердце теснится,
Всю сердечную эту тоску —
Всё вплету я в свою плетеницу
И в цветы, и в слова облеку.
Пусть не скоро путём неезжалым
Мимо синих озёр и лесков —
Я приду
к земляничным началам,
К водам детства,
к полям васильков.

Осенняя песня

*Лазоревый цветок, цветок-символ,
хранится где-то в глубине России
и расцветает в нужные сроки, даёт
силы тому, кто к нему прикоснётся,
взглянет на него...*

Б. Сергуненков «Мой дом – небеса»

Ты вся – как утро на Двине
С огнями, зорями.
На берегу, среди камней —
Цветок лазоревый.

Здесь краски всей моей земли
В реку уронены.
И я здесь – близко
иль вдали —
Не посторонняя.

Брожу в лугах, что отцвели,
Где травы скошены.
Печали всей моей земли
На сердце брошены.

Безлюдье малых деревень,
Мой край покинутый.
Не радует грядущий день,
И сердце вынуто.

О родине, да всё о ней,
Что в счастье, в горе ли:
«На берегу, среди камней —
Цветок лазоревый»!

Полушалок *З.П.Сосниной*

– Да ведь нынче такие не носят! —
И старинный откроет комод,
И достанет – тот беленький, в розах
Плат с кисьём, что она бережёт.

Ахну я:
– Да в Москве они в моде!
Дочка просит найти да купить.
Может, зря он пылится в комод? —
Я могу хорошо заплатить!

Гладит бабка цветастое диво
От труда огрубевшей рукой:
«Сколь была боева да красива,
Не знавала я слова «покой»!

Ты ведь знаешь работу доярки:
Утром к дойке бежишь на заре,
Да не шибко оденешься ярко —
Не до шалей на скотном дворе...

Не скажу, что совсем не надёван, —
Лишь о празднике...
Сколь ни живу,
Помню: были такие надои,
Что коров повезли мы в Москву —

Показать их на Выставке главной.
Знайτε наших, мол: всем нос утрут!
Наградили меня полушалком
И медалью «За доблестный труд»...»

...А потом – не дыра, так прореха,
Зарастали поля лебедой,
Забывались былые успехи,
Всё сильней засквозило бедой...

Стало ясно: пришло оно, лихо:
Ни коров, ни дворов, ни полей...

И вздыхает бабуленька тихо:
«Не вернёшь, сколько слёзы ни лей».

И добавит внезапно и глухо,
На коленях раскинув зарю:
«Ни к чему полушалок старухе.
Коли надо, бери – подарю!»

.

«Алые зори. Большая вода...»

Алые зори. Большая вода.
Бьётся в реке огнepёрая рыба.
Знаю, грустишь обо мне иногда,
Ждёшь, Несмеяна моя, Неулыба.
По воду ходишь, полощешь бельё
Да примеряешь венки из купальниц,
Да вспоминаешь былое житьё...
Дождиком светлым слезинки упали...
Радуги ты коромысло взяла,
Не расплескаются полные вёдра!
Вот я, – спешу по дорогам села!
Утро готовит нам встречу и вёдро.

Дедов путик (рассказ охотника)

А.Г.Абакумову

И он подбросил веток сухих в костёр...
Озеро скрыл прохладный густой туман...
– В городе тесно, а я так люблю простор,
вот и живём в деревне с твоей маман.

Дом-пятистенок поставил ещё отец,
землю в наследство ладил он для меня.
Только той жизни вскоре пришёл конец:
сдали в колхоз коровушку и коня.

Я же лесную науку давно постиг.
Ну а отец совсем тогда занемог:
«Лес да озёра, берданку да наш путик,
видно, пора тебе передать, сынок!»

Помню, учил меня он ставить силки;
здесь, говорил, к водопою ходил сохатый...
Вижу, обсохло нынче русло реки,
да и бобры понастроили всюду хаток...

Сколько носили ягод мы и грибов!
Помню рыбалку, на озере зореванье.
Слушали бормотание тетеревов,
рябчика свист, глухариное токованье.

Как «кичивряжил» в свадебном танце петух!
Щёлканьем, трелями наполнялся лесок.
А как услышишь точенье ножа о брусок —
можно стрелять, – в это время он слеп и глух!

Остановить этот танец не поднялась рука,
так и ушёл домой с пустым рюкзаком...
Вспомню потом не раз я эти тока:
песня за песней, я слушал – и в горле ком.

Как ворковал, хвост распускал петух!
Как выдавал десятки таких колен!..
Вижу, и ты от любви своей слеп и глух —
всё бы вот так же пел у её колен!

Рад я, что грусть берёт по родным местам,
рад, что и ты с невестой – в отцовский дом!
Может быть, сбыться время придёт мечтам:
с внуком пройдемся дедовым путиком!

Из истории с. Тóпса. Встреча с Петром I *Степану Юренскому*

В устье Топса-река разлилась на версту
И, сливаясь с Двиной, затопила всю пойму.
Навещая село, задержусь на мосту
И рассказ, ещё в детстве услышанный, вспомню...

Половодье, весна, восемнадцатый век.
Молодого Петра ожидает сей брег.

Там крестьянин Степан рубит лес у реки,
А вдали паруса показались, упруги.
Он оставил топор, смотрит из-под руки:
Там плывут по Двине государевы струги.

Вот флотилия ближе и ближе плывёт,
И на вёслах идёт прямо к берегу Пётр.

Топкий топецкий брег – не для царственных ног —
Сразу в глину ульнул государев сапог.

И воскликнул царь Пётр: «Экой вязкой здесь ил!»
(Это место с тех пор называется Ил),
А Степан свой зипун стелет в топкую грязь:
Мол, ступай, Государь, не позволим пропасть!

Очень тронул Пётра столь сердечный привет, —
С мужиком у царя завязалась беседа.
Был в селе для Петра приготовлен обед,
Но к Степану отправился он отобедать.

Помнят здесь до сих пор эту встречу с царём
(Как он прост в разговоре, хоть грозен был с виду!).
А хозяина он одарил серебром
И землёй наградил, мол, бери, сколько видишь!

«Благодарствуйте, – молвил Степан, – говорят, —
Эстоль много пахать одному не под силу!
Хватит мне за глаза десятин пятьдесят...»
Говорят, что ответом царя удивил он.

...Я стою на мосту и смотрю, и горжусь
За Петра, что народом был назван Великим,
И стыжусь – за себя потерявшую Русь —
За страну деревушек убогих, безликих.

Разве мало у нас вот таких мужиков,
Что сумели бы сделать Россию богатой?
Ведь сторицей воздаст из своих тайников
Нам земля, и за труд – это лучшая плата.

Рочегда

Первый гром над Двиной пророкочет ли,
Простучит дровяной товарняк,
А услышу суровое: «Рочегда!» —
И повеет дымком на меня...
Вот и рельсы да мостик разгвазданный,
Только в прошлое не перейти...

Через ручей от биржи Загваздинской
В лес, к делянкам тянули пути
Берёзлага невинные узники,
Прорубаясь в лесах вековых.
Те, что памяти тайными узами
Нынче связаны с миром живых.
Что встают, словно тени, из мшаников —
Валят сосны двуручной пилой,
Эстакада гудит с утра раннего,
Пахнет дымом, сосновой смолой,
Брёвна катятся, на воду падают,
На Архангельск плотами плывут...

Дым отечества, горек и сладок ты —
Но не память ли – сучьями жгут?
Вот она – пароходом у пристани
(Там, на пристани этой и я)...
Не кончается ветер неистовый,
Да не выстыла память моя.
Пусть и трудно живёт наша отчина,
Лес становится редким леском,
Но пока что ты есть, моя Рочегда, —
Опахни меня хвойным дымком!

Поездка в Шеломя *М.В.Ожегову*

А соцветия донника белого
сердце будто пронзают стрелами:
здесь село на холмах стояло, —
только память о нём осталась.

Зазвучит над полями колокол —
и зашепчутся травы шёлковы,
и заполнятся ульи пчёлами,
и деревья откликнутся: Шёломя...

Не грусти, мы ещё приедем —
на байдарках пройгись по Евде
иль на лыжах – крутыми склонами,
чтобы снова услышать: Шёломя!

Ты постой, помолчи, послушай!
Тихий свет наполняет душу.
Это храмы стоят, как свечи...
А внизу – дыхание речки...

Закачаются травы шёлковы...
Загудят над цветами пчёлы...
Зазвонит над полями колокол —
и берёзки зашепчут: Шёломя...

Чёрный Яр Семье Серковых

Здесь, в лесных болотах стылых
затерялись судьбы-тропы,
возле Чёрного обрыва обрываются следы...
Захлебнулось время в топях,
янтарём смолы застыло,
да и память – даже память
здесь развеяна, как дым.

От Двины и до Печоры
поселилась смерть в бараках,
обжигала на делянках дуновеньем ледяным.
Тусклый свет зари бескровной,
путь по лявлинскому тракту...
Проржавевшие осколки
в теле преданной страны.

Время раны пеленает...
Повезло здесь тётке выжить
(да ведь жило пол России горевой её судьбой):
здесь оставила родная
мужа, маленьких детишек...
Боль, что в сердце невместима,
унесла она с собой.

Долетит, встревожит душу
горя давнего отвестье,
обожжёт виною горькой,
чувством кровного родства...
Ведь и здесь, за Чёрным Яром,
на дорожном перекрестье —
наша горькая, родная и жестокая земля!

У креста берёзка стынет,
на ветру теряя листья,
чёрный ветер здесь неистов...
душу выстудил до дна...
Ускользящие тени...
голоса родных и близких...
В бесконечно длинном списке
не найду их имена.

«Мама достанет из русской печи каравашек...»

Мама достанет из русской печи каравашек
С корочкой хрусткой, нарежет большими ломтями...
«Как это – брать, что уже изначально – не ваше?!
Я не научена... так вот... расталкивать грубо... локтями!» —

Вспомнит она разорённую мельницу деда
(Тот был в тридцатые годы ещё раскулачен).
Вспомнит отца: «Знать, немало он лиха отведал,
Рано из жизни ушёл – оттого, не иначе!»

Бабушка выйдет – с трудом, опираясь на палку
(Ноги больные скрутило опять ревматизмом),
Скажет: «Да что там богатство, здоровья вот жалко!
Ладно, хоть внучка послушной растёт, не капризной!»

Шьёт мне пальтишко – коричневой, скучной расцветки:
«Было б тепло, хоть не шибко баское, наверно;
К празднику надо бы, только боюсь, не поспеть мне...
Ну, да на каждо хотенье – должно быть терпенье!»

Я же мечтаю ещё раз попробовать мёда,
Яблоко спрятать (чтоб запах вдыхать) – под подушку...
А леденцы, как всегда, растяну на полгода.
Чай с ними – роскошь... но сладка вода из кадлушки!

Мама разрежет сейчас на куски каравашек,
Скажет: " Снеси хоть немного соседушке Анне...
Это не грех, что душа твоя – нарастопашку...»
Скажет: " Того, чем поделиться, меньше не станет!»

О хлебе

Помню, бабушка за едою
Говорила нам: «Хлеб – святое!»
«Хлеба больше кусайте! – просила, —
А иначе не будет силы».
И сама она хлебные крошки
Аккуратно сметала в ладошку.
В рот отправив, бывало, скажет:
«Хлеб выбрасывать – грех, Бог накажет!»
Мама сказывала, бывало,
Как в войну она голодала.
В школе как-то упала в обморок:
Хлебный запах окутал облаком.
А несла, завернув в платочек,
Пайку – маленький ломочек.
Каждый день – один ломочек,
Да со спичечный коробочек.

«Воронки – открытые раны...»
К 100-летию Гражданской войны и интервенции на Севере

Воронки – открытые раны
никак не затянет трава.
И слышится слово: «каманы»...
Но кто и за что воевал?
Вот бабушка – странное дело —
сказала об этой войне:
«Не знаю ни *красных*, ни *белых*, —
все были в шинелях оне».
Сквозь давней метели круженье
сегодня привидятся мне
все те, кто *замёрз в окруженье*,
затоплен на барже в Двине;
кто *зверски штыками заколот*,
кто понял: *война – это ад*...
И дальнего взрыва исполох,
и в церковь попавший снаряд...
Закружится снег, словно пепел...
Нам вспомнить бы всех, кто погиб!
Пусть будет печален и светел
дороги прощальный изгиб —
в надземные, дальние веси!...
И снова над полем звучит
последнего боя отвести,
блуждая в осенней ночи —
в снегах, за небесным пределом,
в воде ледяной полыньи...
И нет там ни *красных*, ни *белых*,
а только родные, свои.

О старом мельнике *А.С. Чуракову*

Журчала речка на узких плёсах —
Затем, чтоб мельниц крутить колёса,
Чтоб людям сеять муку сквозь сито.
Везли к помолу и рожь, и жито.

И месяц шаял и в речку падал,
И конь пугливо ушами прыдал.
Ползли телеги, скрипели оси,
И первым снегом сорила осень...

О старом мельнике птица плачет.
От слова горького «раскулачить»
Ушёл, судьбе своей не покорный.
Лёг на могилу мельничный жёрнов.

Замшели брёвна, сгнила плотина,
Речное дно затянула тина,
Да встал стеною колючий ельник.
Но мелет жито на небе мельник!

Муку небесное сыплет сито
На бор, где птицами гнёзда свиты,
Сечёт метелью по сердцу жёстко...
Сквозь жёрнов к небу – свеча-берёзка.

«Эта тяжесть годов за плечами, ...»

Эта тяжесть годов за плечами, —
За неё ты судьбу не кори!
Вот и бакенщик-август отчалил,
Чтоб на небе зажечь фонари.
Вот и путь твой уже обозначен,
И тоскующий голос вослед
Над полями – то песней, то плачем
Всё звучит сквозь сумятицу лет
Средоточием счастья и боли.
А тропинка всё дальше бежит,
Где и сам ты становишься полем
С васильками в некошеной ржи.

Судьба высокая, как сосны *Художнику Н. П. Созонову*

Почти весенний цвет небес,
Следов звериных узорочье.
А он уйдёт на лыжах в лес,
Чтоб там остаться на обночье.
Пойдёт неспешно по лыжне,
Сбивая с веток снега налепь,
И на душе растает наледь.
Но вдруг – зарубка на сосне...

И закружится голова,
И краски утра вмиг померкнут...
И вспомнит он, как на дрова
В деревне раскатали церковь.
Смогли порушить красоту!
Куда теперь с бедой примкнуться?
К чему душою прикоснуться,
Как будто к свету самому?

И к этим соснам он спешит,
Как будто к самым близким людям.
Он пишет здесь, в лесной глуши,
Десятки солнечных этюдов...
А в памяти – сибирский тракт,
Наполнен день кандалным звоном, —
И снова Николай Созонов
В колонне узников, ЗК...

Рукой тяжёлою сполна
Его коснулось лихолетье
И всё ещё в тяжёлых снах
Стегает лагерною плетью.
И он бы помнить не хотел,
Да позабыть уже не в силах
Немые братские могилы,
Костры замёрзших голых тел...

А ведь не каждому дано
В руках судьбы неумолимой
Тонуть – и не пойти на дно,
Стоять сосною неклонливой.
И Николай Созонов смог
Пройти кромешный ад – и выжить!
А эту боль из сердца выжечь
Сосновый лес ему помог.

И он лелеет, как дитя,
Сосновый остров – Лапажинку.
И теремок построил там —
Резной, узорчатый, былинный.
Идут мальчишки вместе с ним
Узнать, как подрасти успели
Сосёнки, ягель, плауны,
А солнце сыплет звон капли...

Вот-вот росянка расцветёт,
За ней багульник и пушица,
И будет брошен мир на холст
Широкой кистью живописца.
И рядом с ним всегда весна,
И даль лесная светоносна...
Была художнику дана
Судьба, высокая, как сосны.

«Ночью не спишь, всё думаешь: «Боже мой...»

Ночью не спишь, всё думаешь: «Боже мой»
Думаешь: «Господи, только бы не война!»
Как родила дитя, так и страх со мной,
с каждым ребёнком – всё больше в душе вина
в том, что бессильна ты оградить от зла,
хоть и берёшь, и носишь в себе их боль...
Только б ещё и к нам война не пришла,
чтобы жилось нам дружно между собой!

Я посадила сосенки во дворе,
каждому по одной – целый сосновый бор.
Вот соберутся дети о летней поре,
будем сидеть в тени, вести разговор,
чай станем пить со смородиновым листом,
а из созревших ягод варенье варить,
утром подсолнухи будут заглядывать в дом,
будет играть в окольницах сполох зари,
будут резвиться внуки, скрипеть качель
(верится, что для счастья им жизнь дана)...

Только не спишь потом – не от света белых ночей,
а лишь от мыслей, что рядом идёт война!

В юности ездила в Харьков, в Красный Лиман,
в Коробов хутор как-то судьба завела,
помню, девчужка училась русским словам,
на украинском я разговор вела.

Как мы играли с Марусенькой: то «покачай»,
то «догоняй», сама же со смехом прочь.
После сидели под вишнями, пили чай,
а на лиман опускалась южная ночь...

Что там сейчас? Вертолётов, снарядов вой,
танки грохочут, рушатся города...
Чувствую и ненавижу бессилье своё
и понимаю: общая это беда.
Вот и взошло, что посеяли – эта война,
их не простить и не умалить вину!
Знаю, и ты, Маруся, лежишь без сна,
с думой о детях.
Я до утра не усну.

«Как будто открылся таинственный шлюз...»

Как будто открылся таинственный шлюз
и хлынули воды – распался Союз
(казался он нам нерушимым!)
Затмение какое-то... тёмная ночь —
и, как о родителях блудная дочь,
забыла о нём Украина.
Кто б думал в начале, что будет в конце?
Фашизм зародился, как птица в яйце
с повадками злого дракона.
И вот уже ветер смертельный подул,
и слышатся взрывы и выстрелов гул
на землях, родных нам исконно.
И думаешь сразу: в советской стране
была Украина с Россией в родне
и жили мы, горя не зная.
Мы, русские, не от своей простоты
мечтаем о том, чтобы вместе цветы
бросать нам на воды Дуная!*

И если из южного края земли
вновь запах полынный ветра принесли,
сплотимся надёжною ратью
и, мир защищая мечом и огнём,
мы снова объятья свои распахнём,
как старшие сёстры и братья.

Исторический тракт

От парома автобус помчит меня лихо по трассе —
Вдоль глухих деревень,
много лет пребывающих в трансе,
Мимо Емцы-реки, холмогорских болот и лесов,
Мимо Емецка с домом, в котором родился Рубцов.

А полвека назад тот же путь – по Двине, теплоходом.
Вижу старую пристань
с идущим по сходням народом.
Вижу я, как Рубцов по-хозяйски ступает на трап...
Или ловит попутку, лишь из дому выйдя на тракт,
Где когда-то царь Пётр проезжал,
вольнодумец упрямый,
По приказу его были созданы станции – «ямы», —
Ох, и лихо, наверное, мчал он на перекладных
По старинному тракту, вдоль русла холодной Двины!

А в Усть-Ваге Петру лошадей заменили на свежих,
Ведь лежал его путь из Архангельска
прямо на Шенкурск.
Исторический тракт!
Здесь прошёл на Москву Ломоносов.
Вижу, как он в тулупе идёт среди рыбных обозов...
Слышу: кони храпят и доносится песнь ямщика...

Я у дома сойду, а автобус пойдёт до Борка,
А «Борок – он Москвы уголок», – только так!
Надо, надо бы съездить туда, где родился Ермак.

На распутье

Нет утешенья в цветенье июльских даров.
Лист подорожника – не панацея от боли.
Вправо посмотришь – бурьяном заросшее поле,
Влево – развалины жалкие скотных дворов.

Вправо пойдёшь – там пустые деревни стоят.
Влево свернёшь – там лесные дымят пепелища.
Ветер чужой над родными просторами свищет.
Где же она – полевая Россия твоя?

Может, пора искупить перед нею вину —
Дать по рукам разорившим страну лиходеям?
Сколько потерь, но ещё остаётся надея
Хлебом засеять поля, распахав новину...

Птиц не слышать, и, до звона в ушах – эта тишь...
Прямо иди – к обмелевшим, отравленным рекам.
Стать ли мутантом – иль жить на земле человеком?
Ты на распутье... пока ещё... молча стоишь.

Домой

А травы... травы нынче здесь
по плечи...
Берёза смотрит
взглядом человеческим...
Сучок отломан, ямка – словно око,
А в нём наш путь – от устья до истока!..
Зрачок заметен ясно,
взгляд осмыслен...
А над берёзой облака зависли...
Сердечком на стволе —
лишайник красный, —
У дерева есть сердце, это ясно!
От поля клевера – медовый запах...
Крадётся вечер
на бесшумных лапах.
Ряд тополей, торжественных и строгих...
К родному дому привели дороги.
Сейчас войдём,
взволнованы отчасти...
Нашли подкову
(может быть, на счастье),
Чтоб оберегом поместить над дверью...
Внимать избы старинному поверью,
Что каждая расскажет половица...
Здесь в рамке на стене —
родные лица...
И, растопырив царственные перья,
Кружит над головой щепная птица...

«Всё ближе подступает лес к деревне...»

Всё ближе подступает лес к деревне,
Дух сосняка, багульника и пижмы.
Как всё сумели из деревни выжать
В лихие годы! И, старухе древней,
Теперь никто ей не поможет выжить.

Облезлой кошкой поле, выгнув спину,
К деревне жмётся: может, приголубит.
Где тот Иван, что как-то вышел в люди
Из этих мест, навеки их покинув?
Кто Русь – царевну спящую – разбудит?

Зачем когда-то бились наши деды —
Лес корчевали, избы становили
Да засевали хлебом чищевины,
В войну стояли насмерть до победы? —
Перевернулись бы сейчас в могиле.

О двадцать первый век, хромая кляча,
Гордись мобильной связью, Интернетом —
Убожество провинции не спрячешь!..
Скажу: прощай, здесь ничего не светит, —
Судьбу деревне не переиначить.

...Она в ответ – лишь *счастья* милым детям.

«Нет, не осень тому виною...»

Нет, не осень тому виною,
Что в душе поселилась грусть,
И звучит она тихой струною,
Веткой жёлтой дрожит на ветру;
Не дожди, паутиной летящие
На леса, на бескрайность нив, —
А от прошлого до настоящего
Долгих лет зоревой разлив.

Я готова дорогу длинную
Прошагать по глухим лугам,
Чтобы, Ундыш, твоей ундиною
Подойти к родным берегам...
Там, где звали меня русалкою
За длину и за цвет волос,
Там, где ива письма писала мне
На воде, серебриста от слёз;
Где вода после ливня бурая,
Где ольхою порос угор,
Тихой музыкой слово Кургомень
Повторялось, как перебор,
И звучала в ночи гармоника.
А слова невнятные, тихи...
И царила в душе гармония,
И легко писались стихи...

Я вернусь к тебе неизбежно
По прошествии стольких дней.
Я так долго копила нежность.
Я так долго нуждалась в ней.

Возвращение *Ольге Корзовой*

Вернёшься, не сумев привыкнуть...
Домой всегда короче путь —
к Двине и чаячьему крику,
к той, что просила: «Не забудь!»

И зазвонит навстречу Север,
тебе пронзительно знаком —
рассветом глаз небесно-серым,
своим певучим говорком.

И в этом травном захолустье,
в излучке Северной Двины
пахнёт дымком, сосной и Русью,
уютом добрым избяным.

И старой песней проголосной
напомнит родина тебе,
что матью – родной и крёстной —
всегда была в твоей судьбе.

«Студенó, и грустишь без причины...»

Студенó, и грустишь без причины,
И сидишь в полутьме у стола...
Нащепала для печки лучины,
Дров на истопель принесла...
Хорошо под защиту крова:
Тихо в лампе огонь шуршит,
Да за стенкой вздыхает корова,
В сене роется-хлевушит.
Месяц на небе шибко рассеян —
Зацепился рогами за ель,
Смотрит в сторону леса, на север, —
Знать, неделю провьёт метель...
Понимаешь, как важно зимою
Сохранять избыное тепло...
Но нужней, чем тепло дровяное,
Поиск самых распевных слов!
И колдуешь над ними за полночь,
Увернув огонёк, у стола,
И скребёт по стёклу озябшая
Под окошком твоим ветла.

У колодца

На сеновал в полумраке забраться.
Вот и закончились белые ночи...
Длинной волной монотонных вибраций
Тихо, чуть слышно кузнечик стрекочет.

Глухо стрекочет, чтоб сон не нарушить,
Или решил поскорей убаюкать.
Нет, не заснуть! Околдована звуком,
Платье накину и выйду наружу.

Вдруг у колодца – вся гамма созвучий:
Кто-то гремит и ведёрком, и цепью,
Крутится, крутится ворот скрипучий,
Грустью нечаянной сердце зацепит.

Вспомнится, как ещё было при маме, —
Этот колодец поил пол-деревни;
Как начиналось здесь утро дымами,
Мыком коровьим да словом распевным...

Ну а теперь всё пустынно и глухо.
Рядом горят торфяные болота.
Ветка упавшая хрустнула сухо...
С красным оттенком луны позолота...

Ветер, и тот, видно, прячется в ивах.
Речка иссохла до самых источин.
Дымно и душно. И как-то сонливо,
Тихо, чуть слышно
кузнечик стрекочет.

Речка Ундыш

Это Ундыш дышит сонно
возле самого истока,
как ребёнок-пеленашка,
спит в постельке среди мхов,
а когда откроет глазки —
улыбнётся синеоко,
заблестит его рубашка
среди пологих берегов.

А как выйдет из пелёнок,
тут и вырвется на волю,
мой мальчишка шаловливый,
пропадёт в глуши лесной...
А вернется – милый дроля,
поплутав в лесах зелёных,
озорной и говорливый,
снова встретится со мной.

Я ему навстречу выйду,
протяну свои ладони:
– Возвернулся, мой бродяга,
возвратился, мой родной!
Ты мой ветренный поклонник,
ты – мой ласковый котёнок,
я давно испить готова
твой напиток, твой хмельной!..

Но опять грядёт разлука,
и пора тебе в дорогу —
поспешись, Двины медливой
богоданное дитя...
Исчезая за излукой,
как отец, посмотришь строго
и лишь только на прощанье
что-то крикнешь мне шутя...

Черёмушка

*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.*
А.С.Пушкин, «Евгений Онегин»

Она из в глубины двора
Глядит и робко, и смущённо...
«Смелей! Пришла твоя пора
Цвести и трепетать влюблённо!

Пусть у берёзы ты в тени,
В тебе – и свет, и обаянье!»
Кому, кому она сродни?
Не той ли, пушкинской Татьяне?

«Твоя заметней красота
За безыскусностью наряда,
В ней всё – и сердца чистота,
И эта высветленность взгляда.

Постой, не прячься, не спеши
Грустить, дрожать лесною ланью!
Мне нужен свет твоей души,
Как это раннее светанье,

Как белоночная пора —
Реки и леса полудрёма,
Где всплески вёсел до утра
И всплески белые черёмух.

Раскройся, птицами звеня,
Лишь солнце первое проглянет!...»
За радость будущего дня —
Спасибо ей, моей Татьяне!

Шули́кины

Из проруби, из памяти – январской полыньи
Вдруг явятся весёлые шуликины мои.

Пойдут шутить шуликины, пойдут шукать они,
Какой бы номер выкинуть на святочные дни.

Ах, милые проказники, шугнуть бы вас пора
И, несмотря на праздники, прогнать бы со двора!

А ты, как в святки принято, напялишь балахон,
Пойдёшь «гонять шулихинов», и сам ты – шулихон.

Шулихины-шумихины, для смеху, не назло
Картошиной на ниточке всю ночь стучат в окно

Иль пёрышко куриное опустят к вам в трубу —
И весело шутихинам, что дым пойдёт в избú.

Ворота приморожены – знать, политы водой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.